

ЦЕНА 7 коп. зол.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСКА (с доставкой)

на 1 месяц 2 р.
на 2 " 4 р.
на 3 " 6 р.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Строка непарелл позади текста —
1 руб. зол.

Впереди и среди текста — вдвое.
Постоянным объявителям — СКИДКА.
Для приема подписки и объявлений
агенты командируются по вызову
по тел. 2-12-00 и 3-86-30.

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

РЕДАКЦИЯ

Б. Дмитровка, 15/6

Телефоны

Дневной — 2-11-96.

Вечерний — 1-93-00, добавочный 68.

Типографии — 58-92, 42-50.

КОНТОРА

Большая Дмитровка, 26.

ТЕЛЕФОНЫ: 2-12-00 и 4-71-88.

ЭКСПЕДИЦИЯ: тел. 3-86-30.

№ 66 (86)

Четверг, 28-го марта 1924 года.

66 (86)

О. Книппер об А. П. Чехове.

А. П. Чехов последних шести лет—таким я знала его: Чехова, слабого физически и крепкого духовно,—Чехова, как-то необыкновенно просто, мудро, и красиво относившегося к разрушению своего тела, из-за того, что «бог вложил в меня бадиллу».

Впечатление от этих шести лет—какого-то беспомощства, метания,—точно чайка над океаном, не знающая, куда присесть... И все эти метания, все мечты были прикованы 2/15 июля его собственными словами: «Ich sterbe» (я умираю).

Жизнь внутренняя за все эти 6 лет прошла до чрезвычайности полною, насыщенно, интересно и сжато, так что внешняя неустроенность и неудобство теряли свою остроту...

Жизнь уже утомляла Антона Павловича, но дух его не угасал, творчество не увядало. За эти годы Чеховым были написаны: «В овраге», «Три сестры», «Архирей», «Невеста» и «Вишневый сад».

Мы познакомились в 1898 году. На одну из первых репетиций «Чайки», в здании Олоти-

чьего клуба на Воздвиженке, 9 сентября приехал А. П. Чехов. Трудно говорить о том большом волнении, которое охватило нас, актеров, при первой встрече с любимым писателем, когда мы почувствовали все необыкновенное, тонкое обаяние его личности, его простоты, его каню-лю умения «учить», «показывать». Не знали, как и о чем говорить... И он смотрел на нас, то улыбаясь, то вдруг необычайно серьезно, с каким-то смущением, пощипывая бородку и скидывая пивсу... Надумывал, как отвечать на некоторые вопросы, а мы-то думали—вот придет автор и откроет нам все тайны, как надо играть «Чайку».

Антон Павлович, когда его спрашивали, отвечал как-то неожиданно, как будто и не по существу, как будто и обще, и не знали мы, как принять это замечание—серьезно или в шутку. Но так казалось только в первую минуту, а сейчас же, подумав немного, чувствовалось, что это сказанное как бы вежливое замечание начинало проникать в мозг и душу, и от едва уловимой характерной черточки при-

няли вырастать вся суть человека.

Так, напр., кто-то спросил, как надо играть такую-то роль? «Как можно лучше»,—ответил Антон Павлович. Другой просил охарактеризовать тип писателя в «Чайке», и последовал ответ: «Да он же носит клетчатые брюки». Мы не скоро привыкли к этой манере общения с нами автора...

Зимой мы сыграли «Чайку» с большим успехом, в весной 1899 года показывали пьесу автору, приехавшему снова в Москву. Была радостная, чудесная весна, полная волнительных переживаний: создание нового нашего театра, какого-то «особенного» — итоги первого сезона, успех и неуспех некоторых постановок, необычайная наша сплоченность и общее волнение и трепет за каждый спектакль; большой, исключительный успех «Чайки», знакомство с Чеховым, радостное ощущение, что у нас есть «свой», близкий нам автор, которого мы нежно любили—все это радостно волновало и наполняло наши души. Снимались с автором — группа участвующих в «Чайке», а в середине Чехов, якобы читающий пьесу. Уже говорили о постановке «Дяди Вани» в будущем сезоне...

Кончился сезон и я уехала отдыхать на Кавказ, где жил мой брат с семьей на даче около Мцхета. К этому периоду и относятся первые наши письма. Еще в Москве я обещала приехать с Кавказа в Крым, где Антон Павлович купил участок земли и строил дом. Письмами мы сговорились встретиться на пароходе в Новороссийске, около 20 июля, и вместе приехали в Ялту, где и остановились в семье д-ра Л. В. Средина, с которой была дружна вся наша семья, а Антон Павлович жил на набережной, в гостинице «Марино», откуда он ходил ежедневно на постройку своего дома в Аутку, плохо питался, так как никогда не думал о еде, уставал, и как мы с Средным ни старались зазывать его под разными предлогами, чтобы устроить ему нормальное питание—это удавалось очень редко: Антон Павлович не любил ходить «в гости» и избегал обедов не у себя дома, хотя к Средным он относился с симпатией. У них было всегда так просто и радужно, и все, что бывало в Ялте из мира артистического, литературного и музыкального, все это посещало всегда Средных (Горький, Найденов, Аренский, Васнецов, Ермолова).

В августе мы с Антоном Павло-

вичем вместе уехали в Москву и ехали на лошадях до Бахчисарая, через гору Ай-Петри... Хорошо было покачиваться на мягких рессорах, дышать напоенным испарением сосны воздухом, и болтать в мягком, шутливом чеховском тоне, и подремывать, когда сильно припекало южное солнце и морило душу жаждой... Хорошо было ехать в живописной долине Коккоза, полной какого-то особенного очарования и прелести...

В Москве Антон Павлович пробыл недолго и уже в конце августа уехал обратно в Ялту, а уже с 3-го сентября начинается наша переписка вплоть до конца марта 1900 года, когда трупа Художественно-Общедоступного театра решила приехать в Крым с пьесами: «Чайка», «Дядя Ваня», «Одинцов» и «Гедда Габлер».

Я приехала еще на Страстной, с Марьей Павловной, и как казалось уютно и тепло в новом доме, который летом только еще строился и был неизжилым. Все интересовало, каждый пустик; Антон Павлович любил ходить и показывать и рассказывать, чего еще нет и что должно быть со временем, и, главное, занимая его сад, фруктовые посадки...

По утрам Антон Павлович обыкновенно сидел в саду и при нем всегдашние адъютанты — две собаки, дворняжки, которые, откуда-то появлялись и приживались очень быстро, благодаря симпатии, с которой Антон Павлович относился к ним, и два журавля с подрезанными крыльями, которые были всегда около людей, но в руки не давались. Журавли эти были очень привязаны к Арсению — и дворнику, и садовнику вместе — очень тосковали, когда он отлучался. О возвращении Арсения из города весь дом знал по крику этих птиц и странным движениям, которыми они выражали свою радость, — что-то в роде вальса...

Тихо, уютно и быстро прошла Страстная неделя, неделя отдыха, и надо было ехать в Севастополь, куда прибыла труппа Художественного театра. Помапо, какое чувство одиночества охватило меня, когда в первый раз в жизни я осталась одна в номере гостиницы, да еще в пасхальную ночь, да еще после ласковости и уюта чеховской семьи. Но уже начались приготовления к спектаклям, приехал Антон Павлович, и жизнь завертелась. Начался какой-то весенний праздник...

Перехали в Ялту, и праздник

стал еще ярче, нас буквально засыпали цветами... Артисты приезжали часто к Антону Павловичу, обедали, бродили по саду, сидели в уютном кабинете, и как правилось все это Антону Павловичу, — он так любил жизнь подвижную, кипучую, а тогда у нас все уповало, кипело, радовалось...

Жаль было расставаться и с югом, и с солнцем, и с Чеховым, и с атмосферой праздника... но надо было ехать в Москву репетировать. Вскоре приехал в Москву и Антон Павлович, ему казалось пусто в Ялте после жизни и смятения, которые внес приезд нашего театра, но в Москве почувствовал себя нездоровым и быстро вернулся на юг.

В июле я гостила у Чеховых в Ялте, ,

Переписка возобновляется с моего отъезда в Москву в начале августа по 23-е октября и прерывается приездом Антона Павловича в Москву, с пьесой «Три сестры», до половины декабря, когда Антон Павлович отправляется на юг Франции, в Ниццу, где он прожил около трех месяцев, сильно волнуясь ходом работ в театре над постановкой «Трех сестер»...

О. Книппер-Чехова.

(Продолжение следует).

ЦЕНА 7 коп. зол.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСКА (с доставкой)

на 1 месц. 2 р.
на 2 " 4 р.
на 3 " 6 р.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Строка непрерывно позади текста —
1 руб. зол.

Впереди и среди текста — вдвое.

Постоянным объявителям — СКИДКА.

Для приема подписки и объявлений

агенты командируются по вызову

по тел. 2-12-00 и 3-88-30.

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

РЕДАКЦИЯ

Б. Дмитровка, 15/6

Телефоны

Дневной — 2-11-96.

Вечерний — 1-93-00, добавочный 68.

Типографии — 58-92, 42-50.

КОНТОРА

Большая Дмитровка, 28.

ТЕЛЕФОНЫ: 2-12-00 и 4-71-88.

ЭКСПЕДИЦИЯ: тел. 3-88-30.

№ 67 (87)

Пятница, 21-го марта 1924 года.

67 (87)

О. Книппер об А. П. Чехове *).

В половине мая Антон Павлович приехал в Москву, 25-го мая мы венчались и уехали по Волге, Каме, Белой до Уфы, откуда часов 6 по жел. дор. в Андреевскую санаторию около ст. Аксеново...

В Аксенове Антошу Павловичу нравилась природа, длинные тени по степи после шести часов, чирканье лошадей в табуне, привалы флора, река Дема Аксеновская, куда мы ездили однажды на рыбную ловлю... Кумыс сначала пришелся очень по вкусу Антошу Павловичу, но вскоре надоедает, не выдержав 6 недель, мы отправились домой в Ялту, через Самару по Волге до Царицына и на Новороссийск.

С этой поры жизнь его делится между Москвой и Ялтой, наладив частые встречи и проводы на Курском вокзале и на вокзале в Севастополе...

В Ялте привлекала его сначала постройка дома, разбивка сада,

устройство жизни, а впоследствии он свылся с ней, хотя и называл ее своей «теплой Сибирью». В Москву все время стремился, стремился быть ближе к театру, быть среди актеров, ходить на репетиции, болтать, шутить, смотреть спектакли. Любил пройтись по Петровке, по Кузнецкому, посмотреть на магазинцы, на толпу...

Работа над «Вишневым садом» была трудная, мучительная, я бы сказала. Никак не могли понять друг друга, сговориться режиссеры с автором.

Первое представление «Вишневого сада» было днем чествования Чехова лиггаторами и его друзьями. Его это утомляло, он не любил показных торжеств и даже отказывался приехать в театр. Он очень волновался постановкой «Вишневого сада» и приехал только к третьему акту и то только когда за ним поехали.

Первое представление «Чайки» было торжеством в театре и первое представление последней его пьесы тоже было торжеством. Но как не похожи были эти два

торжества! Было беспокойно, в воздухе висело что-то зловещее. Не знаю, может быть, теперь эти события, окрасились так, благодаря всем последующим, но что-то было поры чистой радости в этот вечер 17 января—это верно. Антон Павлович очень внимательно, очень серьезно слушал все приветствия,—но временами он вскидывал голову своим характерным движением, и казалось, что на все происходящее он смотрит с высоты птичьего полета, что он здесь не при чем, и лицо освещалось его мягкой лучистой улыбкой, и появлялись характерные морщины около рта,—это он, вероятно, услышал что-нибудь смешное, что он будет смеяться своим детским смехом...

Вообще Антон Павлович необычайно любил все смешное, все в чем чувствовался юмор, любил слушать рассказы смешные и, сиди в уголке, подперев рукой голову, пощипывал бородку, заливался таким заразительным смехом, что я часто, бывало, переставала слушать рассказчика, воспринимая рассказ через Антошу Павловича. Он очень любил фокусников, клоунов. Помню, мы

с ним как-то в Ялте долго стояли и не могли оторваться от всевозможных фокусов, которые проделывали дрессированные блохи. Любил Антон Павлович выдумывать—легко, изящно и очень смешно,—это вообще характерная черта чеховской семьи...

Даже за несколько часов до своей смерти он заставил меня смеяться, выдумывая один рассказ. Это было в Баденвейлере. После трех тяжелых тревожных дней ему стало легче к вечеру. Он послал меня пробежаться по парку, так как я не отлучалась от него эти дни, и когда я пришла, он все беспокоился, почему я не иду ужинать, на что я ответила, что гонг еще не прозвонил. Гонг, как оказалось после, мы просто просыпали. А Антон Павлович начал придумывать рассказы, описывая необычайно модный курорт, где много сытых, жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть, краснощеких англичан и американцев, и вот все они, кто с экскурсиями, кто с катаниями, с пешеходной прогулкой, одним словом, отовсюду, собираются с мечтой хорошо и сытно поесть после физической усталости дня,

И тут вдруг оказывается, что повар сбегал и ужина никакого нет,—и вот как этот удар по желудку отразился на всех этих избалованных людях... Я сидела, прикурнувши на диване, после тревоги последних дней, и от души смеялась. И в голову не могло придти, что через несколько часов я буду стоять перед телом Чехова!

В последний год жизни у Антона Павловича была мысль написать пьесу. Она была еще неясна, но он говорил мне, что героиня пьесы, ученый, любит женщину, которая или не любит его, или изменяет ему, и вот этот ученый уезжает на дальний север. Третий акт ему представлялся именно там: стоит пароход, затертый льдами, северное сияние, ученый одиноко стоит на палубе, тишина, покой и величие ночи, и вот на фоне северного сияния, он видит — проносится тень любимой женщины...

Антон Павлович тихо, покойно отошел в другой мир. В начал ночи он проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Ощущение чего-то огромного, надвигающегося, двигающегося придавало всем

что я делала, необычайный покой и точность, как будто кто-то уверенно вел меня. Помню только жуткую минуту потерянности: ощущение близости массы людей в большом спящем отеле и, вместе с тем, чувство полной моей одинокости и беспомощности. Я вспомнила, что в этом же отеле жили знакомые русские студенты—два брата, и вот одного я попросила сбежать за доктором, сама пошла колоть лед, чтобы положить на сердце умирающему. Я слышу, как сейчас, среди давящей тишины июльской мушкетерно-душной ночи, звук удаляющихся шагов по скришучему песку...

Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Ich sterbe...» Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре уснул навсегда... И страшную тишину ночи нарушала только, как вихрь ворвавшаяся огромных размеров черная бабочка, которая мучительно би-

лась о горящие электрические лампочки и металась по комнате...

Ушел доктор, среди тишины и духоты ночи с страшным шумом выскочила пробка из недопитой бутылки шампанского... Начало светать, и вместе с пробуждающейся природой, раздалось, как первая панихида, нежное, прекрасное пение птиц, и звуки органа, дожившиеся из ближней церкви. Не было слышно звука людского голоса, не было суety обыденной жизни, была красота, покой и величие смерти...

И у меня—сознание горя, потери такого человека, как Антон Павлович, пришло только с первыми звуками пробуждающейся жизни, с приходом людей, а то, что я испытывала и переживала, стоя одна на балконе и глядя, то на восходящее солнце и на звенящее пробуждение природы, то на прекрасное, успокоившееся, как бы улыбающееся лицо Антона Павловича, словно понявшего что-то,—это для меня, повторяю, пока остается тайной неразгаданности... Таких минут у меня в жизни не было, думаю, и не будет...

О. Книппер-Чехова.